

**УРОВНИ КОНТЕКСТА: КАК АНАЛИЗ ТЕКСТА
СТАНОВИТСЯ АНАЛИЗОМ ДИСКУРСА?
(на материале новых лайфстайл-медиа в сети Интернет)**

Е. Н. Молодыхенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Поступила в редакцию 20.05.2022 г.

Принята к публикации 15.11.2022 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-7

На современном этапе исследований так называемая «проблема дискурса» должна сводиться не к поиску правильной дефиниции данного феномена, а к (1) выявлению релевантных параметров / переменных контекста, (2) соотносению их с лингвистическими категориями и (3) определению способа операционализации первых в связи со вторыми в эмпирическом анализе. Такое положение вещей определяет двоякую цель данной статьи. В теоретическом плане цель состоит в представлении описания одной из возможных моделей контекста с ее обязательной привязкой к лингвистическим категориям и инструментам лингвистического анализа. Эта модель включает в себя пять «ярусов» контекстуальных переменных, а также два измерения, пересекающих все ярусы, – дискурс (в широком смысле – как речевая составляющая социальных практик) и коммуникантов (теоретизируемых в терминах когниции и набора семиотических ресурсов). Целью эмпирической части является применение (фрагментов) описанной модели к анализу конкретного текста / дискурсивного экземпляра. Материалом для анализа послужило видео на платформе YouTube в жанре «лайфстайл-инструкция». В качестве базовой (теоретико-)методологической основы анализ апеллирует к (1) категории включения / диалогичности (*engagement*), рассматриваемой в рамках системной функциональной лингвистики, и (2) представлению о конкретном тексте / дискурсивном экземпляре как гибриде разных жанровых и дискурсивных моделей, ассоциируемом с критическим дискурс-анализом. В рамках понимания дискурса как комплексного семиотического факта текст / дискурс видео анализируется в разрезе его функционирования на современной цифровой платформе YouTube. В результате исследования показано, что благодаря данной коммуникативной технологии, породившей новые схемы участия (*participation frameworks*) в коммуникативных событиях, к дискурсу (как комплексному семиотическому факту) следует относить не только речевую составляющую видео («текст») и сопутствующие модальности, но и порождаемый в форме комментариев дискурс прочих участников коммуникативного события (коллаборативный дискурс). В рамках тематического и институционального (дискурс как коррелят социальной практики), а также идеологического (дискурс «по Фуко») принципа дефиниции дискурса текст видео анализируется как актуализация хитросплетения различных социокультурных практик, предопределяющих содержание, вербальное оформление и потенциальную интерпретацию данного текста / дискурсивного экземпляра потенциальным реципиентом.

Ключевые слова: операционализация контекста, модель контекста, контекстуализация, дискурс-анализ, текст и дискурс, лайфстайл-медиа, лайфстайл-дискурс, дискурс консьюмеризма

Введение

Сегодня вопросы, связанные с категорией «дискурс» или — если автор и вовсе не оперирует этим термином, что вполне допустимо / возможно — с анализом речевых произведений в их обусловленности экстралингвистическим контекстом, должны решаться путем *теоретизирования параметров / переменных контекста*, которые могут (или должны) быть операционализированы в таком исследовательском проекте, а также путем (дальнейшей) разработки и обоснования инструментария, которым лингвисты должны оперировать в рамках подобных проектов (Spitzmüller, Warnke, 2011; Чернявская, 2019; Нефедов, Чернявская, 2020).

В отечественной лингвистике базовое определение дискурса было популяризировано Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1990) и В.Е. Чернявской, определившей дискурс как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом» (Чернявская, 2003, с. 54). При таком понимании теоретически анализом дискурса является любой анализ речевого(-ых) произведения(-ий), в той или иной мере обращающийся к контексту. За простотой такого понимания, однако, стоит сложность, возникающая на этапе «параметризации речи» (Дементьев, 2010, с. 103 и сл.), теоретизирования, описания и, главное, эмпирического исследования этих параметров в привязке к определенным текстовым феноменам¹.

Исходя из сказанного, целью статьи является представление более-менее целостной модели контекста и ее применение к анализу конкретного текста / дискурсивного экземпляра. Предлагаемый анализ призван (насколько это позволяет объем статьи) продемонстрировать «погруженность» конкретного текстового экземпляра в контекст различных уровней, то, какие понимания категории «дискурс» будут при этом преимущественно задействованы, и то, на какие инструменты анализа можно при этом полагаться.

Уровни контекста: радиальная модель

То, где «начинается» контекст для дискурс-анализа, будет зависеть от выбора фокального события². Если фокальным событием избирается только речевая составляющая более-менее завершеного и имеющего более-менее очерченные границы коммуникативного эпизода («текст» в некоторых трактовках), то ближайшим фоном следует считать коммуникативную технологию и сопутствующие речевому произведению семиотические модальности. Если фокальным событием выбирается дискурс как цельное коммуникативное событие со всеми релевантными модальностями его реализации, то ближайшим фоном будет являться физическая и социальная локация. Возможно, однако, и еще бо-

¹ Или, как это обычно бывает, наоборот — исследования текстовых феноменов в привязке к параметрам контекста.

² О разграничении фокального события и фона, а также об обоснованности использования такой терминологии см.: (Goodwin, Durantí, 1992).

лее узкое понимание фокального события как «мимолетной» фазы разворачивающейся «здесь и сейчас» коммуникации (Silverstein, 1992; 1993). По отношению к такому фокальному событию ближайшим фоном будет любой сегмент — вплоть до непосредственно предшествующего и непосредственно следующего за ним — того же коммуникативного события. Приведем далее релевантное в нашем представлении членение контекстуального континуума в порядке радиального расширения от минимального фокального события до контекста всей культуры; см. также: (Auer, 2009; van Dijk, 1997; Goodwin, Duranti, 1992; Чернявская, Нефедов, 2020).

В качестве первого измерения контекста будем рассматривать коммуникативную технологию, ко-текст и модальности, сопутствующие «чистой» речевой составляющей. Данное измерение является лишь искусственно отделимым от самого речевого произведения: описанные компоненты составляют «ткань» коммуникативного эпизода и образуют в совокупности то, что можно было бы назвать дискурсом в одном из его пониманий как *целостного семиотического факта* (Blommaert, 2005, p. 3; 2015). Исследования, в той или иной мере обращающиеся к этому измерению, образуют достаточно большой и разнообразный пул, включающий (но не ограничивающийся таковыми) исследования связности текста (de Beaugrande, Dressler, 1981; Halliday, Matthiessen, 2004, p. 524—585; Martin, Rose, 2007), макроструктур (van Dijk, 1980), сопутствующих модальностей (Hodge, Kress, 1988; Martin, Rose, 2007, p. 321—330), смены коммуникативных ролей (Beattie, Ellis, 2017; Martin, Rose, 2007, p. 219—254; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974), контекстуализирующих сигналов (Auer, 1992) и семантики жестов (Kok et al., 2016).

Второе измерение определим как *физическую локализацию* дискурса. Сюда следует отнести пространственно-временную «заякоренность» текста, определяющую семантику дейктических элементов («референциальных индексов») (см.: Levinson, 1983; Silverstein, 1976; Verschueren, 1999, p. 18—22; 2000), и релевантные элементы физического контекста, не включенные нами в первый ярус. К таковым можно отнести физические параметры места (например, слышимость, присутствие посторонних, присутствие шума) и используемые инструменты и ресурсы реализации речевой активности и / или активности, сопутствующей речевой, влияющие на реализацию коммуникации (Scollon, Scollon, 2004, p. 3—4).

К третьему измерению отнесем *социальную локализацию* дискурса. Очевидно, что большая часть интеракций с использованием языка представляет собой коммуникативное событие определенного типа с регламентированными субъектными позициями для коммуникантов (Fairclough 1992, p. 126; Verschueren, 1999, p. 76—87). Наиболее релевантной лингвистической категорией, операционализирующей данное измерение контекста, конечно же, является жанр (Devitt, 2009; Giltrow, 2010; Rose, 2012; Swales, 1990; Дементьев, 2010) и в какой-то мере (функциональный) стиль / регистр (например, по линии формальности / неформальности).

К четвертому измерению отнесем контекст *профессиональной и / или социальной практики определенного типа*. К категориям лингвистиче-

ского анализа, апеллирующим к этому измерению, снова можно отнести жанр, особенно в исследованиях, акцентирующих его привязку к определенной профессиональной практике (Bhatia, 1993; 2015) и / или дискурсивному сообществу (Askehave, Swales, 2001), регистр (Biber, Conrad, 2012) и в некоторой мере (функциональный) стиль. Этот же ярус контекста операционализируется в различных версиях дискурс-анализа, где под дискурсом понимается языковой коррелят некоторой (условно) простой социальной / профессиональной практики (см. обсуждение ниже).

К пятому ярусу отнесем *сложные конфигурации социальных практик* в рамках «социальных полей» (Chouliaraki, Fairclough, 1999, p. 99–106, 114) с их взаимным (идеологическим) влиянием и наиболее абстрактные *социальные структуры*, вроде отмечаемых Н. Фэрклафом экономической структуры, социоэкономического класса и системы родственных связей (Fairclough, 2003, p. 23). Такой ракурс рассмотрения дискурса характерен в первую очередь для работ в рамках критического дискурс-анализа (КДА). Этот же уровень контекста может быть релевантным контекстом интерпретации и в современной социолингвистике и лингвистической антропологии (Blommaert, 2005; Coupland, 2007; Silverstein, 1992). С другой стороны, операционализация такого широкого социального контекста, конечно же, использовалась и до появления КДА. Как известно, функциональные стили, описанные в отечественной стилистике (Кожина, 2002), апеллируют к формам общественного сознания, которые также следует расположить на данном уровне.

Один из вариантов теоретизирования такого инвентаря – представление последнего в терминах идентичности (отсюда «более-менее» в предыдущем предложении, см.: Jenkins, 2004). При этом здесь же следует заметить, что семиотическими ресурсами проекции идентичности (целенаправленно или нет) будут не только собственно языковые ресурсы, но и все прочие атрибуты внешнего вида и поведения, могущие стать социальными индексами (Eckert, 2008; Jaffe, 2016). Совокупность таких ресурсов, позиционирующая индивида в акте коммуникации определенным образом, соответственно, может быть важной переменной контекстуализации непосредственного содержания речевого произведения и, в частности, предопределения его «перлокутивного эффекта». Опираясь здесь больше на распространенное бытовое наблюдение, нежели на теорию и эмпирическую проверку, отметим, что смысл дискурса и его эффект часто будут зависеть не от его содержательно-тематического и лексико-грамматического аспектов, а от того, *кто* его продуцирует.

Коммуниканты и дискурсы

В качестве переменных контекста можно также рассматривать коммуникантов и собственно дискурс (как речевую составляющую социальных практик вообще; см. ниже). Две данные переменные мы предлагаем аналитически отделить от описанных уровней и анализировать как находящиеся в отдельных плоскостях, пересекающих все представленные выше ярусы.

Когниция коммуникантов³ имеет решающее значение в любом акте коммуникации: можно даже сказать, что описанные выше параметры контекста становятся релевантными для / в коммуникации постольку, поскольку они представлены в «головах» коммуникантов (van Dijk, 1997; Verschueren, 1999, p. 109). Когнитивный характер, как известно, имеет и *одна из переменных* контекста, традиционно популярная в некоторых прагматически ориентированных подходах, а именно — коммуникативные интенции говорящего.

Точно так же дискурс «пронизывает» все описанные уровни контекста во всевозможных смыслах. Фокальное событие, в какие бы рамки оно ни помещалось, является фрагментом цепочки коммуникативных событий разного масштаба и разной удаленности от него. Такая цепочка может иметь различную длину (или, точнее, быть аналитически представлена как имеющая некоторую длину) от непосредственного контекста и соседних реплик диалога до отдельных коммуникативных событий, разделенных временем, а в современном мире и пространством, но образующих единую дискурсивную цепочку по какому-то параметру⁴.

Одной из наиболее значимых аналитических традиций в этом измерении будет исследование интертекстуальности. Интертекстуальность как операционализация дискурсивного измерения контекста актуальна во всех своих проявлениях — как маркированная и (тексто)типологическая, так и понимаемая как абстрактная диалогичность в духе М. М. Бахтина и Ю. Кристевой. Естественно, интертекстуальность особенно в последнем ее понимании аналитически релевантна настолько, насколько она может быть операционализирована в конкретном анализе. Примером теоретического осмысления диалогичности как ретроспективной и проспективной открытости текста в терминах *конкретных* лексико-грамматических средств является разработанная Дж. Мартином и П. Уайтом функциональная текстовая категория «включение» (engagement) (Martin, White, 2005, p. 92–135).

В исследованиях, претендующих на принадлежность к (критической) дискурс-аналитической традиции, один из релевантных контекстов для локализации дискурсивного экземпляра — это дискурс в двух специфических значениях. Такой экземпляр в них рассматривается как реализация (или «апелляция к» в терминах иной аналогии) «надындивидуальной коммуникативно-речевой практики» (Чернявская, 2009, с. 174). Такие надындивидуальные практики фактически являются речевыми коррелятами практик, описанных нами как четвертый и пятый ярус контекста. В первом случае социальная практика *рассматривается* как *условно простая формация* без внутренних (идеологических) конфликтов, а в исследовательский фокус попадает использование языко-

³ Каким бы образом она ни была аналитически смоделирована — в форме фреймов, сценариев, концептов, эпизодических моделей, моделей контекстов, убеждений, ценностей, установок, мотивов.

⁴ См. совершенно разные по сути исследования, тем не менее иллюстрирующие эту идею: (Du Bois, 2014; Wortham, 2004).

вых средств, свойственное для данной практики⁵. Во втором речь идет о сложных конфигурациях социальных практик, каждая из которых в дискурсивном измерении представлена своим специфическим дискурсом, отражающим определенное видение мира субъектов данной практики. Когда гибридизация и / или конфликт таких репрезентаций в пределах сложной конфигурации становится объектом дискурс-анализа, дискурс как категория становится «дискурсом по Фуко». Иными словами, в первом случае акцентируется институциональный и / или тематический принцип, во втором — идеологический. Отсюда исследования политического дискурса, медицинского, научного, рекламного, театрального и т. п. в первом случае, а также неолиберального дискурса, дискурса феминизма, дискурса расизма и т. п. во втором.

Материал и анализ

Основным материалом для анализа послужило видео на одном из самых популярных каналов YouTube в рассматриваемом сегменте — alpha m⁶. Количество подписчиков канала на момент написания данного фрагмента статьи насчитывает более 5 млн человек. Канал принадлежит «лайфстайл-гуру» Арону Марино. Название видео — “7 Ways to Make A Girl MISS YOU!”⁷ Видео является последним опубликованным на канале на момент написания данного фрагмента статьи. Выбор диапазона для первичного отбора материала, таким образом, предопределен *критерием репрезентативности* самого канала, то есть его популярностью в обсуждаемом сегменте. Выбор же самого текста является *случайным*.

В качестве общей лингвистической (теоретико-)методологической рамки мы апеллируем к модели включения / диалогичности (engagement) Дж. Мартина и П. Уайта (Martin, White, 2005), в свою очередь опирающейся на системную функциональную лингвистику М. Хэллидея (Halliday, Matthiessen, 2004). В остальном анализ можно было бы охарактеризовать как качественный контент-анализ с преимущественным акцентированием контекстуально обусловленной семантики языковых единиц и / или используемых грамматических конструкций, как это принято в лингвистических работах и особенно в текстоориентированном дискурс-анализе (Fairclough, 2003).

Профессиональная практика лайфстайл-медиа. Результирующий комплексный дискурс

Первой важной для логики анализа переменной контекста выбранного видео и всего диапазона (то есть канала YouTube) является локализация этих феноменов в рамках практики лайфстайл-медиа. К лайф-

⁵ Это вовсе не означает, что сама по себе практика является простой и не содержит в себе идеологических конфликтов.

⁶ URL: <https://www.youtube.com/user/AlphaMconsulting/videos>

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSLpsdzKkJc&t=160s>

стайл-медиа вслед за редакторами двух ключевых монографий по данной теме будем относить любые медиа, посвященные обсуждению таких тем, как стиль, мода, одежда; уход за собой / груминг; декорирование жилища, обустройство интерьера и экстерьера; способы проведения свободного времени / досуга; приготовление и употребление еды, диеты; путешествия и туризм; романтические отношения и свидания (Bell, Hollows, 2005, p. 9–10).

Современные варианты реализации практики лайфстайл-журнализма во многом опираются и зависимы от таких платформ, как YouTube. Новые веб-платформы и их функционал изменили схему участия (participatory framework) как автора, так и аудитории в опосредованном коммуникативном событии (Boyd, 2014; Lehti et al., 2016; Szabla, Blommaert, 2018). В первую очередь это касается стандартной функции многих платформ — возможности публикации комментариев и ответов на комментарии, опубликованные другими пользователями. Данные изменения по-новому ставят вопрос о том, *что* фактически следует считать минимально завершенным дискурсом и *где* «искать» его смысл.

Если фокальным событием является речевая составляющая данного видеоролика, то в качестве ближайшего контекста, релевантного для интерпретации его смысла или, по Бломмарту, «эффекта» (Blommaert, 2015), следует указать следующие компоненты. Во-первых, сопутствующие модальности и коммуникативную технологию, позволяющие оформить данную речевую составляющую («текст») в форме видео. Благодаря этому, в частности, появляется возможность передать все паралингвистические сигналы, отсекаемые при обращении к транскрипту или в случае, если бы данный дискурс был реализован в формате статьи. Комбинацию речевой составляющей с этими элементами фона далее будем называть «исходным дискурсом». Во-вторых, «сопроводительный дискурс», размещенный под видео в форме текста в письменном модусе. Данный дискурс включает два основных блока — коммерческий блок (ссылка на продвигаемый продукт, интегрированный в видео, на сайт автора и на продукты его брендов) и краткое содержание видео. Краткое содержание включает авторскую аннотацию видео и пронумерованный список отдельных советов, обсуждаемых в видео. В-третьих, комментарии пользователей или «коллаборативный дискурс». Мы утверждаем, что как сопроводительный дискурс, так и комментарии (по крайней мере те, которые попадают в топ; см. ниже) являются как минимум одной из важных *переменных* локализации и контекстуализации таких видео, а как максимум должны рассматриваться в качестве *неотъемлемого компонента* исходного дискурса.

При всей текучести, которую современные жанры приобрели благодаря миграции в Интернет (Andersen, van Leeuwen, 2017; Askehave, Nielsen, 2005; Devitt, 2009; Genres in the Internet, 2009), тексты видео подобного типа в пределах последних трех-пяти лет характеризуются феноменальной унификацией жанровой формы. Такую форму они делят с аналогичными по содержанию текстами статей на сайтах онлайн-журналов и даже их предтечами — традиционными печатными версиями (Machin, van Leeuwen, 2007, p. 116 ff.). С точки зрения композиции тек-

сты жанра характеризуются наличием вступления и нескольких пронумерованных фрагментов (как правило, от 5 до 10), оформляющих отдельные советы как микротексты; см.: (Дементьев, 2020). Помимо непосредственной адвизивной, или *инструктирующей*, составляющей в текстах фигурируют и *мотивационные* компоненты различной природы («зачем это делать?», «почему правильно делать именно так?» и т.п.). Мотивационный коммуникативный ход может содержаться в каждом из микротекстов в форме максимы (Machin, van Leeuwen, 2007), на которой базируется данный совет, или какого-то иного обоснования целесообразности предлагаемого действия, а также во вступлении, в качестве мотивационной макропропозиции всего текста. Ср. текст вступления данного видео⁸:

(1) What's up gentlemen? So, the truth is that breakups suck. But they really suck when you don't want it, but the person that you're dating feels that they don't wanna be with you anymore, and so they end it. <...> But does this mean that it's totally over? Most of the time, the answer is yes, but sometimes the answer is no, and today we are going to find out if the old spicy seniorita pants still wants a piece of that (показывает указательными пальцами на предполагаемого зрителя, контекстуализируя таким образом референциальный индекс that. — E.M.).

Как видно из примера, вступление «погружает» реципиента в релевантный хронотоп — «расторжение отношений в одностороннем порядке» (*breakups suck; you don't want it, but the person that you're dating feels that they don't wanna be with you anymore, and so they end it*); задает тональность негативной оценки данного события (*breakups suck; they really suck*) и формулирует общий мотивационный фрейм прочтения приводимых далее советов: все меры, направленные на преобразование себя к лучшему, потенциально нацелены на возобновление отношений (*we are going to find out if the old spicy seniorita pants still wants a piece of that*).

Анализ текста в терминах включения / диалогичности позволяет определить общий тон его «безапеллятивности», то, какой тип адресата формулируется как предполагаемый (например, «солидарный» или «резистентный»; см.: (Talbot, 2007, p. 44)), и то, какие представления и ценности проецируются на этого адресата (Martin, White, 2005, p. 92 ff.). С точки зрения включения данный фрагмент реализован в типичном для жанра ключе: убеждения в том числе ценностного характера формулируются как однозначные: используются категоричные прямые утверждения, вроде *breakups suck* (вместо, скажем, *breakups may suck* или *breakups sometimes suck* и / или вместо вариантов с менее эмотивными оценочными единицами, чем глагол *suck*). Вопросительное предложение *but does this mean that it's totally over* моделирует по крайней мере фракцию аудитории, имеющую сомнения насчет окончательности разрыва отношений и потенциально задающую такой вопрос; предложение *we are going to find out if the... seniorita... still wants a piece of that* имплицитно, что по крайней мере фракция аудитории имеет интенцию по-

⁸ Здесь и далее транскрипция наша.

пытаться восстановить отношения. Текст, таким образом, моделирует солидарного адресата, разделяющего и / или готового присоединиться к формулируемой (аксиологической) позиции в том числе и к мотивационной макропозиции.

Однако обращение к комментариям демонстрирует, что такого присоединения фактически не происходит. Ср. два самых популярных комментария на момент изучения данного дискурса:

(2) Dating your ex again is the equivalent of failing a test you already had the answers to

(3) Focus on self-improvement guys! STOP giving women validation!!⁹

Изучение прочих комментариев демонстрирует наличие значительного количества микротекстов, транслирующих аналогичный лейтмотив:

(4) At the end of the day, you split up for a reason. Usually it's an issue that you can't change. Just move on

Указанные примеры являются утверждениями с, так сказать, транситуативной применимостью. К лингвистическим индикаторам такого режима относится употребление абсолютного настоящего (*dating your ex again is the equivalent, it's an issue that you can't change*), недействительного *you* (*failing a test you already had the answers to*) и императивов в сочетании с недействительным *you* в пределах одного микротекста (см. пример 4) или обращением, выраженным существительным во множественном числе (пример 3). Иными словами, комментарии соответствуют транситуативной калибровке текста видео (и текстов в этом жанре в целом) и благодаря этому органично дополняют его. Этот факт можно рассматривать как одну из причин, почему комментарии следует включать в единый с ним «результатирующий комплексный дискурс».

Вторая причина связана с техническим функционалом платформы YouTube. Как известно, часть комментариев поднимается алгоритмами платформы YouTube наверх, в так называемый топ. Такие комментарии с большой вероятностью просматриваются значительным количеством участников коммуникативного события. Во-первых, они находятся непосредственно под видео и вряд ли не обращают на себя внимание. Во-вторых, подтверждением факта взаимодействия пользователей с данными комментариями является и выставление лайков. Лайки (точнее их количество, как правило, коррелирующее с «топовостью») свидетельствуют в пользу того, что содержание комментария не только было замечено, но и в пользу того, что реципиент присоединяется к озвученной (аксиологической) позиции.

Таким образом, мы утверждаем, что данные комментарии становятся важной надстройкой над исходным дискурсом и его комбинацию с этими комментариями — результирующий комплексный дискурс —

⁹ Здесь и далее комментарии представлены с сохранением авторской орфографии; пунктуация в некоторых случаях незначительно скорректирована.

следует рассматривать как минимальную потенциальную единицу извлечения смысла предполагаемым реципиентом и минимальную дискурсивную единицу анализа смысла.

Дополняя или корректируя какой-либо из содержательных компонентов, комментарии создают дополнительный фрейм интерпретации вокруг исходного текста. В данном примере комментарии не оспаривают релевантность инструктирующей макропропозиции и основного содержания видео вообще (советов по «преобразованию себя к лучшему», предлагаемых автором исходного видео; ср. пример 3: *focus on self-improvement guys*), но предлагают иную мотивацию для этих мер (*stop giving women validation* — то есть мотивация по принципу «преобразование себя для себя, а не для женщин/ы»). При этом при условно постоянном исходном дискурсе секция комментариев со временем прирастает новыми микротекстами, которые могут в том числе менять содержание топа, формируя новый результирующий дискурс.

Естественно, такой вариант коллаборации является лишь одним из возможных в плане присоединения к аксиологической позиции и вычленения конкретных тем для их развития в комментариях. Так, например, во многих комментариях формулируется этот же лейтмотив, но в режиме персонального нарратива; ср.:

(5) To get **my** ex back? Nah, I pass

(6) But why would **I** want **that** crazy azz back in **my** life?

(7) OH NO!! I don't want **that** oversensitive girl in **my** life AGAIN! I'm so much happier without **her**

Еще одним интересным вариантом релевантной коллаборации служит добавление к инструктирующей части дискурса (в режиме транзитивной применимости); ср.:

(8) Actually u forgot the most important tips — focus on yourself **go to the gym turn the beast mode ON**, be the better version of yourself every morning when u get up and look yourself in the mirror. **Make money work hard gain knowledge and cash.**

Прочие релевантные контексты.

Текст как дискурсивный гибрид

Анализ в данном разделе преимущественно сосредоточен на переменных, выделенных в рамках четвертого и пятого измерений контекста, то есть в терминах социальных практик и коррелирующих с ними дискурсов.

Лайфстайл-медиа и саму социальную форму «лайфстайл» чаще всего связывают с явлением консьюмеризма и представлением об «освобожденных постмодерном» идентичностях (Chaney, 1996; Featherstone, 1987; Giddens, 1991). Таким образом, дискурс консьюмеризма (ДК) можно определить как один из метадискурсов, «пронизывающих» исследуемый текст и предопределяющих все остальные возможные дискурсы. Базовую пресуппозицию ДК можно выразить как представление о воз-

возможности/необходимости/неотвратимости конструирования идентичности посредством реализации коммодифицированных практик и приобретения товаров.

Для навигации по микротекстам в составе текста приведем здесь список советов, сформулированный автором видео в сопроводительном дискурсе:

(9) 1. Stop calling & texting her as well as stalking her on social media – allow for space and privacy so she may allow for a 2nd chance. 2. Stop drinking and/or smoking pot – if you're sad & emotional, for 30-days focus on yourself instead. 3. Channel the pain and hurt into yourself – worry about you and do things to be a better dude. 4. Find new hobbies, make new friends, and connect with old friends – be with people you love and do new things. 5. Give yourself an Alpha M makeover and post pictures – reinvent yourself and feel incredible about who you are. Get a haircut, buy some new clothes (grab a stylish friend), take pictures of yourself and post on social media. 6. Deal with your issues – take care of your emotional issues with counseling or therapy so you'll be right for someone. 7. Start to date – this doesn't mean to sleep around! Be social and get back out there to see that others find you attractive.

В наиболее прозрачной форме ДК фигурирует в микротексте номер 5, например, во фрагменте *reinvent yourself and feel incredible about who you are* → *get a haircut, buy some new clothes*, где второе предложение связано (бессоюзной связью) с первым отношениями распространения/уточнения (*elaboration*), а предикации *get a haircut* и *buy some new clothes* являются гипонимами по отношению к *reinvent yourself*.

Аналогичные лейтмотивы и семантические связи реализуются и в самом тексте видео, ср.:

(10) ...go get a new fresh cut because everybody feels better about themselves after a haircut.

Императив *go get a new fresh cut* связан причинно-следственной связью с предикацией *everybody feels better about themselves after a haircut*, формулирующей мотивационную максиму (см. выше).

Как амальгамированный с ДК, но все же аналитически отделимый от него, можно указать «дискурс целенаправленного самопреобразования». Базируясь опять же на идее освобожденных постмодерном идентичностей, такой дискурс в качестве пресуппозиции имеет представление о возможности/необходимости постоянного целенаправленного преобразования себя (Giddens, 1991). Квинтэссенцией актуализации такого представления являются дискурсы, часто именуемые «селф-хелп» (Currell, 2006). Такой дискурс, как уже могло стать понятно из приведенных примеров, также пронизывает исследуемый текст, в том числе формирует и инструктирующую макропропозицию. Ср. фрагмент авторской аннотации (часть сопроводительного дискурса):

(11) If you **work on you and create on the man** she fell in love with, she may fall back in love with you.

В плане эксклюзивной апелляции к такому дискурсу наиболее иллюстративными являются пункты номер 3 и 6 в тексте видео:

(12) (пункт 3; фрагмент текста видео) <...> you need to **focus on yourself** which is number three. You (неразборчиво. – E.M.) take all that pain all that hurt and **channel it into yourself!** You've gotta **make you a priority** and do things that are going to **benefit you** and **make you a better person**.

Точно так же, как и в примерах выше, макропропозиция данного фрагмента *you need to focus on yourself* связана отношениями распространения/уточнения (*elaboration*) с последующими предложениями, а *focus on yourself* выступает гиперонимом по отношению к *take all that pain <...> and channel it into yourself; make you a priority* и *do things that are going to benefit you*.

Если рассмотреть текст видео в тематической дискурсивной разбивке или – в данном случае – с точки зрения конкретных регламентируемых (каждодневных) практик, то следует указать, что он апеллирует к таким типичным для лайфстайл-медиа дискурсам, как:

- мода/стиль (в первую очередь пункт номер 5; *buy some new clothes; grab a stylish friend*);
- груминг/уход за собой (большая часть пункта номер 5, который одновременно является интеграцией рекламы системы ухода за мужской кожей Tiede Hanley, см. ниже);
- взаимоотношения с противоположным полом/свидания (мотивационная макропропозиция всего видео, пункт 7 и отчасти пункт номер 1, например: *texting her, stalking her, date; sleep around; social; find you attractive* и т. д.)¹⁰.

Одним из типичных дискурсов в сфере лайфстайл является также «дискурс фитнеса и физического преобразования тела»¹¹, популяризацию которого также часто связывают с культурой потребления (Baudrillard, 1998). Из представленного списка микротекстов, однако, видно, что данный дискурс не актуализируется в видео. Как уже было продемонстрировано выше, этот «недочет» исправляется одним из комментаторов в коллаборативном дискурсе (см. пример 8 выше: *go to the gym turn the beast mode ON*).

Заключение

Представленный анализ и рассуждения позволяют вернуться к обозначенной во вступлении проблеме – к каким переменным контекста можно (или должно) обращаться, если исследователь позиционирует исследование текста как дискурс-анализ, и как современные онлайн-дискурсы по-новому акцентируют ответы на этот вопрос.

¹⁰ См./ср. апелляцию к аналогичным дискурсам в тематической разбивке высшего уровня (навигация вверх страницы) на одном из самых старых онлайн-ресурсов для мужчин AskMen.com (<https://uk.askmen.com/>).

¹¹ См. опять же тематическую разбивку на AskMen.com.

Первый раздел эмпирической части преимущественно апеллирует к представлению о дискурсе как о сложном семиотическом факте (текст, коммуникативная технология и сопутствующие модальности) и как тексте, вписанном в процессы взаимодействия автора и потенциальных реципиентов. В случае с современными медиадискурсами в качестве минимальной дискурсивной единицы имеет смысл рассматривать то, что мы назвали результирующим комплексным дискурсом. Такой дискурс представляет собой комбинацию как минимум двух элементов — исходного дискурса и коллаборативного. Взгляд на коллаборативный дискурс акцентирует идею о том, что смысл дискурса не заключен в исходном тексте, но конструируется во взаимодействии с аудиторией (Talbot, 2007, p. 13).

Акцент на понимании дискурса как надындивидуальной коммуникативно-речевой практики направляет исследование в русло анализа дискурсивной гибридности конкретных текстов и описания возможных локализаций в контексте. Исследуемый текст, а также многие другие тексты на данном канале и других каналах этого сегмента медиа могут быть проанализированы как апеллирующие к нескольким более-менее дискретным дискурсам, связанным с культурой потребления, стилизацией жизни и освобожденными идентичностями — социальными явлениями, описанными в работах социокультурной направленности.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010.
- Дементьев В.В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. №63. С. 5–27.
- Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь, 2002.
- Нефедов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2020. №63. С. 83–97.
- Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 53–55.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
- Чернявская В.Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №58. С. 97–114.
- Andersen T.H., Leeuwen T.J. van. Genre crash: The case of online shopping // Discourse, Context & Media. 2017. Vol. 20. P. 191–203.
- Askehave I., Nielsen A.E. Digital genres: A challenge to traditional genre theory // Information Technology and People. 2005. Vol. 18, №2. P. 120–141.
- Askehave I., Swales J. M. Genre identification and communicative purpose: a problem and a possible solution // Applied Linguistics. 2001. Vol. 22, №2. P. 195–212.
- Auer P. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization // The Contextualization of Language. Amsterdam, 1992. P. 1–37.

- Auer P. Context and contextualization // Handbook of Pragmatics. Amsterdam, 2009. P. 86–101.
- Beattie G., Ellis A. Conversational Structure // The Psychology of Language and Communication. L., 2018. P. 138–156. <https://doi.org/10.4324/9781315187198>.
- Baugrande R.-A. de, Dressler W. U. Introduction to text linguistics. L. ; N. Y., 1981.
- Bell D., Hollows J. Making sense of ordinary lifestyles // Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste / ed. by D. Bell, J. Hollows. Maidenhead, 2005. P. 1–18.
- Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. L. ; N. Y., 1993.
- Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // Hermes: Journal of Language and Communication in Business. 2015. Vol. 27, №54. P. 9–20.
- Biber D., Conrad S. Register, Genre, and Style. N. Y., 2012.
- Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge, 2005.
- Blommaert J. Meaning as a nonlinear effect: The birth of cool // AILA Review. 2015. Vol. 28. P. 7–27.
- Bois J. W. du. Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics. 2014. Vol. 25, №3. P. 359–410.
- Boyd M. S. (New) participatory framework on YouTube? Commenter interaction in US political speeches // Journal of Pragmatics. 2014. Vol. 72. P. 46–58.
- Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis. Edinburgh, 1999.
- Coupland N. Style: Language variation and identity. Cambridge, 2007.
- Devitt A. J. Re-fusing form in genre study // Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre / ed. by J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam ; Philadelphia, 2009. P. 27–48.
- Dijk T. A. van. Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition. Hillsdale, 1980.
- Dijk T. A. van. Cognitive Context Models and Discourse // Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness / ed. by M. I. Stamenov. Amsterdam ; Philadelphia, 1997. P. 189–226.
- Eckert P. Variation and the indexical field // Journal of Sociolinguistics. 2008. Vol. 12, №4. P. 453–476.
- Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 1992.
- Fairclough N. Analysing discourse: Textual analysis for social research. L. ; N. Y., 2003.
- Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre / ed. by J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam ; Philadelphia, 2009.
- Giltrow J. Genre and difference: The sociality of linguistic variation // Syntactic Variation and Genre / ed. by H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin ; N. Y., 2010. P. 1–26.
- Goodwin C., Duranti A. Rethinking context: an introduction // Rethinking Context / ed. by A. Duranti, C. Goodwin. Cambridge, 1992. P. 1–42.
- Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. An introduction to functional grammar. L., 2004.
- Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, 1988.
- Jaffe A. Indexicality, stance and fields in sociolinguistics // Sociolinguistics: Theoretical Debates / ed. by N. Coupland. Cambridge, 2016. P. 86–112.
- Jenkins R. Social Identity. L. ; N. Y., 2004.
- Kok K. et al. Mapping out the multifunctionality of speakers' gestures // Gesture. 2016. Vol. 15, №1. P. 37–59.
- Lehti L. et al. Linguistic analysis of online conflicts: A case study of flaming in Smokahontas comment thread in YouTube // WiderScreen. 2016. №1–2. URL: <http://widerscreen.fi/numerot/2016-1-2/linguistic-anaead-on-youtube/> (дата обращения: 28.05.2022).

- Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge, 1983.
- Machin D., Leeuwen T. van.* Global Media Discourse: A Critical Introduction. L., 2007.
- Martin J. R., Rose D.* Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause. L. ; N. Y., 2007.
- Martin J. R., White P. R. R.* The Language of Evaluation. L., 2005.
- Rose D.* Genre in the Sydney School // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / ed. by J. P. Gee, M. Handford. L. ; N. Y., 2012. P. 209–225.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50, №4. P. 696–735.
- Scollon R., Scollon S. W.* Nexus Analysis: Discourse and the emerging Internet. L. ; N. Y., 2004.
- Silverstein M.* Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description // Meaning in Anthropology / ed. by K. H. Basso, H. A. Selby. Albuquerque, 1976. P. 11–55.
- Silverstein M.* The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough? // The Contextualization of Language / ed. by P. Auer, A. Di Luzio. Amsterdam, 1992. P. 55–76.
- Silverstein M.* Metapragmatic discourse and metapragmatic function // Reflexive language: Reported Speech and Metapragmatics / ed. by J. A. Lucy. Cambridge, 1993. P. 33–58.
- Spitzmüller J., Warnke I. H.* Discourse as a 'linguistic object': methodical and methodological delimitations // Critical Discourse Studies. 2011. Vol. 8, №2. P. 75–94.
- Swales J. M.* Genre Analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 1990. 3rd ed.
- Szabla M., Blommaert J.* Does context really collapse in social media interaction? // Applied Linguistics Review. 2018. Vol. 9, №2. P. 251–279.
- Talbot M. M.* Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh, 2007.
- Verschueren J.* Understanding pragmatics. L., 1999.
- Verschueren J.* Notes on the role of metapragmatic awareness in language use // Pragmatics. 2000. Vol. 10, №4. P. 439–456.
- Verschueren J.* Predicaments of Criticism // Critique of Anthropology. 2001. Vol. 21, №1. P. 59–81.
- Wortham S.* From Good Student to Outcast: The Emergence of a Classroom Identity // Ethos. 2004. Vol. 32, №2. P. 164–187.

Об авторе

Евгений Николаевич Молодыченко, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Email: emolodychenko@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-4852-6741

Для цитирования:

Молодыченко Е. Н. Уровни контекста: как анализ текста становится анализом дискурса? (на материале новых лайфстайл-медиа в сети Интернет) // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 107–125. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-7.

LEVELS OF CONTEXT:
WHEN AND HOW TEXTUAL ANALYSIS BECOMES
DISCOURSE ANALYSIS:
THE CASE OF INTERNET LIFESTYLE MEDIA

E. N. Molodychenko

Higher School of Economics National Research University
16 Soyuzna Pechatnikov St., St. Petersburg, 190121, Russia

Submitted on May 20, 2022

Accepted on November 15, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-7

Today the so-called problem of discourse should boil down to (1) identifying relevant contextual variables, (2) matching these to specific linguistic categories, and (3) operationalizing the former vis-à-vis the latter. Having posited this, the purpose of the article is twofold. In a more theoretical sense, the purpose is to outline one possible model of context each 'tier' of which is potentially related to certain linguistic categories and linguistic analytical toolkits. The suggested model has five tiers of contextual variables and two dimensions cutting through the five tiers. These dimensions are discourse (in the most general sense – as one of the 'moments' of social practice) and individuals (theorized here in two ways – in terms of cognition and as a complex of semiotic resources used to 'perform' identities). In a more practical sense, the purpose of the article is to use (certain fragments of) the model to analyze discourse. The discourse used for such analysis is a lifestyle instruction video from YouTube. Methodologically, the analysis draws on (1) the category of engagement as described in the Appraisal Model within Systemic Functional Linguistics and (2) the interpretation of discourse/text as simultaneously invoking different discourses and genres, as suggested in the Faircloughian approach to discourse analysis. When seen as a complex semiotic happening, the discourse is analyzed in terms of it being part of the YouTube media platform. It is contended that as a result of the communicative technology in question, which has drastically changed participatory frameworks for mediated communicative events of this sort, a minimal discursive unit of analysis and interpretation should include, in addition to the text and accompanying modalities (the discourse of the original video), comments made by other users (collaborative discourse). When seen more through the Foucauldian lens, the discourse of the video is analyzed as a discursive and generic hybrid invoking several social practices associated with consumer culture, which can (to a certain extent) be shown to have (pre)defined the contents, the language and possible interpretations by the tentative addressee.

Keywords: context, a model of context, contextualization, discourse analysis, text and discourse, lifestyle media, lifestyle discourse, consumerist discourse

References

- Andersen, T.H. and van Leeuwen, T.J., 2017. Genre crash: The case of online shopping. *Discourse, Context & Media*, 20, pp. 191–203, <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.06.007>.
- Arutyunova, N.D., 1990. Discourse. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedia]. Moscow, pp. 136–137 (in Russ.).
- Askehave, I. and Nielsen, A.E., 2005. Digital genres: A challenge to traditional genre theory. *Information Technology and People*, 18 (2), pp. 120–141, <https://doi.org/10.1108/09593840510601504>.
- Askehave, I. and Swales, J.M., 2001. Genre identification and communicative purpose: a problem and a possible solution. *Applied Linguistics*, 22 (2), pp. 195–212, <https://doi.org/10.1093/applin/22.2.195>.

Auer, P., 1992. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization. In: P. Auer and A. Di Luzio, eds. *The Contextualization of Language*, pp. 1–37, <https://doi.org/10.1075/pbns.22>.

Auer, P., 2009. Context and contextualization. In: J.-O. Östman and J. Verschueren, eds. *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, pp. 86–101, <https://doi.org/10.1075/hoph.1.05aue>.

Beattie, G. and Ellis, A., 2018. Conversational Structure. In: *The Psychology of Language and Communication*. Londone, pp. 138–156, <https://doi.org/10.4324/9781315187198>.

Bell, D. and Hollows, J., 2005. Making sense of ordinary lifestyles. In: D. Bell and J. Hollows, eds. *Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste*. Maidenhead, pp. 1–18.

Bhatia, V.K., 1993. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London and New York.

Bhatia, V.K., 2015. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 27 (54), pp. 9–20, <https://doi.org/10.7146/hjlc.v27i54.22944>.

Biber, D. and Conrad, S., 2012. *Register, Genre, and Style*. New York: Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/cbo9780511814358>.

Blommaert, J., 2005. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge.

Blommaert, J., 2015. Meaning as a nonlinear effect: The birth of cool. *AILA Review*, 28, pp. 7–27, <https://doi.org/10.1075/aila.28.01blo>.

Boyd, M.S., 2014. (New) participatory framework on YouTube? Commenter interaction in US political speeches. *Journal of Pragmatics*, 72, pp. 46–58, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.03.002>.

Chernyavskaya, V.E., 2003. Discourse. In: M.N. Kozhina., ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedia of Russian]. Moscow, pp. 53–55 (in Russ.).

Chernyavskaya, V.E., 2009. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskurivnost'* [Text Linguistics: Multimodality, Intertextuality, Interdiscursivity]. Moscow (in Russ.).

Chernyavskaya, V.E., 2019. Corpus-Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 58, pp. 97–114, <https://doi.org/10.17223/19986645/58/7> (in Russ.).

Chouliaraki, L. and Fairclough, N., 1999. *Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis*. Edinburgh.

Coupland, N., 2007. *Style: Language variation and identity*. Cambridge.

de Beaugrande, R.-A., Dressler, W.U., 1981. *Introduction to text linguistics*. London and New York.

Demytyev, V.V., 2010. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow (in Russ.).

Demytyev, V.V., 2020. Headlines With Figures in the Media: A Structural and Functional Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 63, pp. 5–27, <https://doi.org/10.17223/19986645/63/1> (in Russ.).

Devitt, A.J., 2009. Re-fusing form in genre study. In: J. Giltrow and D. Stein, eds. *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*. Amsterdam and Philadelphia, pp. 27–48.

Du Bois, J.W., 2014. Towards a dialogic syntax. *Cognitive Linguistics*, 25 (3), pp. 359–410, <https://doi.org/10.1515/cog-2014-0024>.

Eckert, P., 2008. Variation and the indexical field. *Journal of Sociolinguistics*, 12 (4), pp. 453–476, <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x>.

- Fairclough, N., 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge.
- Fairclough, N., 2003. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London and New York.
- Giltrow, J. and Stein, D., eds., 2009. *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*. Amsterdam and Philadelphia, <https://doi.org/10.1075/pbns.188>.
- Giltrow, J., 2010. Genre and difference: The sociality of linguistic variation. In: H. Dorgeloh and A. Wanner, eds. *Syntactic Variation and Genre*. Berlin and New York, pp. 1–26.
- Goodwin, C. and Duranti, A., 1992. Rethinking context: an introduction. In: A. Duranti and C. Goodwin, eds. *Rethinking Context*. Cambridge, pp. 1–42.
- Halliday, M.A.K. and Matthiessen, C.M.I.M., 2004. *An introduction to functional grammar*. London.
- Hodge, R. and Kress, G., 1988. *Social Semiotics*. Ithaca, New York.
- Jaffe, A., 2016. Indexicality, stance and fields in sociolinguistics. In: N. Coupland, ed. *Sociolinguistics: Theoretical Debates*. Cambridge, pp. 86–112, <https://doi.org/10.1017/CBO9781107449787.005>.
- Jenkins, R., 2004. *Social Identity*. London and New York, <https://doi.org/10.4324/9780203292990>.
- Kok, K., Bergmann, K., Cienki, A. and Kopp, S., 2016. Mapping out the multi-functionality of speakers' gestures. *Gesture*, 15 (1), pp. 37–59, <https://doi.org/10.1075/gest.15.1.02kok>.
- Kozhina, M.N., 2002. *Rechevedenie i funktsional'naya stilistika: voprosy teorii. Izbrannye trudy* [Speech Studies and Functional Stylistics: The Theory. Selected Papers]. Perm (in Russ.).
- Lehti, L., Isosävi, J., Laippala, V. and Luotolahti, M., 2016. Linguistic analysis of online conflicts: A case study of flaming in Smokahontas comment thread in YouTube. *WiderScreen*, 1–2. Available at: <http://widerscreen.fi/numerot/2016-1-2/linguistic-anaead-on-youtube/> [Accessed 28 May 2022].
- Levinson, S.C., 1983. *Pragmatics. Cambridge Textbooks in Linguistics*. Cambridge.
- Machin, D. and van Leeuwen, T., 2007. *Global Media Discourse: A Critical Introduction*. London.
- Martin, J.R. and Rose, D., 2007. *Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause*. London and New York.
- Martin, J.R. and White, P.R.R., 2005. *The Language of Evaluation*. London, <https://doi.org/10.1057/9780230511910>.
- Nefedov, S. T., Chernayvskay, V. E. Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions, 2020. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 63, pp. 83–97. doi: 10.17223/19986645/63/5.
- Rose, D., 2012. Genre in the Sydney School. In: J.P. Gee and M. Handford, eds. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London and New York, pp. 209–225.
- Sacks, H., Schegloff, E. A. and Jefferson, G., 1974. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 50, pp. 696–735, <https://doi.org/10.2307/412243>.
- Scollon, R. and Scollon, S.W., 2004. *Nexus Analysis: Discourse and the emerging Internet*. London and New York, <https://doi.org/10.1111/j.1360-6441.2006.00321b.x>.
- Silverstein, M., 1976. Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description. In: K. H. Basso and H. A. Selby, eds. *Meaning in Anthropology*. Albuquerque, pp. 11–55.
- Silverstein, M., 1992. The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough? In: P. Auer and A. Di Luzio, eds. *The Contextualization of Language*, pp. 55–76, <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415324.004>.
- Silverstein, M., 1993. Metapragmatic discourse and metapragmatic function. In: J.A. Lucy, ed. *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge, pp. 33–58, <https://doi.org/10.1017/cbo9780511621031.004>.

Spitzmüller, J. and Warnke, I.H., 2011. Discourse as a 'linguistic object': methodical and methodological delimitations. *Critical Discourse Studies*, 8 (2), pp. 75–94, <https://doi.org/10.1080/17405904.2011.558680>.

Swales, J.M., 1990. *Genre Analysis: English in academic and research settings*. 3d ed. Cambridge.

Szabla, M. and Blommaert, J., 2018. Does context really collapse in social media interaction? *Applied Linguistics Review*, 9 (2), pp. 251–279, <https://doi.org/10.1515/applirev-2017-0119>.

Talbot, M.M., 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

van Dijk, T.A., 1980. *Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Hillsdale, New Jersey.

van Dijk, T.A., 1997. Cognitive Context Models and Discourse. In: M.I. Stamenov, ed. *Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness*. Amsterdam and Philadelphia, pp. 189–226, <https://doi.org/10.1075/aicr.12.09dij>.

Verschueren, J., 1999. *Understanding pragmatics*. London, <https://doi.org/10.4324/9780203776476>

Verschueren, J., 2000. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use. *Pragmatics*, 10 (4), pp. 439–456, <https://doi.org/10.1075/prag.10.4.02ver>.

Verschueren, J., 2001. Predicaments of Criticism. *Critique of Anthropology*, 21 (1), pp. 59–81, <https://doi.org/10.1177/0308275X0102100104>.

Wortham, S., 2004. From Good Student to Outcast: The Emergence of a Classroom Identity. *Ethos*, 32 (2), pp. 164–187, <https://doi.org/10.1525/eth.2004.32.2.164>.

The author

Dr Evgeni N. Molodychenko, Associate Professor, the Department of Foreign Languages at Higher School of Economics National Research University, St. Petersburg, Russia.

Email: emolodychenko@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-4852-6741

To cite this article:

Molodychenko, E.N., 2023, Levels of context: how textual analysis becomes discourse analysis: the case of Internet lifestyle media, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 107–125. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-7.

